

ВОСПОМИНАНИЯ ВОЙТЕХА ФИГАЧА

Отец мой, Вацлав Фигач, был варшавянином, а мама, Ядвига Яновна Костюк, с Гродно. Во время советско-польской войны 20-го года отец воевал в польской армии. Нас у них было четверо. Самая старшая моя сестра Мария была с 1924 года рождения, старший брат Стась с 1926 года, второй брат Болеслав с 1928 года, ну и я с тридцать первого года рождения. Родился я в Друздениках, сейчас это, кажется, литовский город Друзденикас. В 1934 году семья наша переехала в Гродно, где в 1938 году я пошел в школу. В 1939 году началась польско-немецкая война. Отец сразу же был мобилизован в армию, а маму положили в госпиталь. Мы, боясь, что будут репрессии против семей военнослужащих переехали из городской квартиры за город в имение Станиславское, что находилось в километрах 4-5 от города и жили там до 1940 года.

В 1940 году в Гродно умерла мама, и мы уехали от города еще дальше, находящуюся в 26 километрах от города деревню Скрыповку недалеко от городка Подъезёры. После того как польская армия была разгромлена немцами, отец вернулся к нам и нанялся копать торф. Там мы жили до 1941 года, а когда пришли немцы, перебрались еще дальше от людских глаз – стали жить на кордоне в лесничестве, которое в то время пустовало. Там можно было землю обрабатывать, огород был хороший.

Однако не давали жизни те, кто шлялся по лесам: попавшие в окружение солдаты, ушедшие в леса бывшие партийные работники. Бывало так, что не успеешь сварить что –нибудь, как придут и отберут последнее, что у тебя есть. Пришлось отцу вновь переезжать в Подъезёры, а нас он отдал по деревням коров пасти. Шел тогда 41-42 год, мне, значит, было тогда 10-11 лет, как пришлось пойти на свой хлеб. Дома с отцом осталась только моя сестра. В 1942 году их обоих немцы вывезли в Германию. Осталось нас три брата. Старший брат вскоре ушел в партизаны, а как подошли советские войска, перешел в Красную армию, потом записался в Польскую армию Людову, закончил войну и остался в Польше.

Второй брат, Болеслав, жил недалеко от меня в соседней деревне, но потом его в 1946 или 47 году арестовали органы НКВД. Якобы был мой брат среди аковцев, завербованных каким-то представителем польского правительства в Лондоне, что собирал местную молодежь под красно-белый флаг под короной. И вот в этой деревне кто-то там доказал или арестовали этого представителя. Короче, арестовали тогда вместе с моим братом человек 26 и всем дали 58 статью и срок по ней – до 25 лет лагерей и плюс 5 лет поражения в правах. Брат мой первоначально получил 15 лет лагерей плюс 5 лет поражения, но потом в результате пересуда срок заключения снизили до 8 лет. Отбывал он свой срок сначала до 1950 года в Казахстане, а потом был отправлен на Джесканганские рудники. Как я узнал позже, в 1951 году некоторым полякам, имевших родственников в Польше, разрешили выезд в Польшу под поручительство своих родственников. За Болеслава поручился наш старший брат, встретил его в Гродно и увез в Польшу.

Я же всю войну и после войны работал в деревне, сначала коров пас, потом пошел в батраки. Горек был хлеб батрака. Не раз пришлось попробовать немецкой плетки во время оккупации. Не успел вовремя снять шапку перед немцем - получи плетки, не выполнил в срок распоряжения властей - опять резиновая дубинка... Один раз было, что недалеко от деревни в болоте засели партизаны. Немцы их три дня минами из болота выкуривали, а потом уехали. Оставшиеся в живых партизаны вышли из болота и остановились на короткое время возле крайней хаты, чтобы перевязку раненым сделать. Ушли партизаны, а тут вслед за ними немцы. Согнали всех на площадь и устроили показательную экзекуцию тем хозяевам, в чьей хате партизаны останавливались. Избили их до полусмерти, а потом угнали в Германию.

Когда Советы пришли на Беларусь в сорок четвертом году, мало что изменилось по отношению к простым людям. Стали организовывать колхозы, пустили трактора

распахивать все межи. Так наворочали земли попеременно с глиной, что практически ничего не выросло. Вот тебе и голод. Аресты за все. Помню, одного деда арестовали за то, что якобы ругался, что радио на столбе громко кричит. Бабка его с мольбой к НКВДешникам: «Отпустите, сынки, ну что вы этого дурака слушаете. Я же говорила ему, чтобы не слушал он это бляцкое радио...» Вслед за стариком забрали за такие слова и старуху...

Вот так и жили, под постоянным присмотром и командой «товарищей». Отправили меня по разрядке в Карелию на лесозаготовки. Проработал я там с год в Медвежьегорске под Петрозаводском и сбежал домой. Приехал в Гродно, затем в ту деревню, в которой в последнее время до отправки на лесозаготовки жил. Зашел я к своему прежнему хозяину и все ему рассказал. Мужик он неплохой оказался, и решил он мне помочь. Поехал со мной в сельсовет и уговорил начальство дать мне направление в армию. Дескать, круглый сирота, льгота полагается... Так я в 1952 году был призван в армию. Направили службу проходить в Сибирь, в Томское артучилище, в дивизион боевого обеспечения. Вот я и оказался здесь.

Приехав в Томск, русского языка я не знал совершенно. Писать и читать тоже практически не умел. Полтора года учебы в тридцать восьмом году и один год в тридцать девятом – вот и вся моя школа. 36 человек, таких как я, из Белоруссии тогда привезли в Томск. Большинство из них были поляками. Первое время между собой только и общались, потом освоились. Со мной служил один парень из Гродно, так он часто ходил в увольнение в гости к своей родной тетке, которую в 1939 году сюда выслали и она жила на окраине города, в каком-то бараке.

Прослужил в Томске три с лишним года. Когда подошла мобилизация, у меня не было выбора куда ехать. Тогдашний министр обороны Жуков издал приказ о том, что демобилизованные солдаты не имеют права выбора своего нового местожительства, а обязаны вернуться туда, откуда были призваны. Это для того, чтобы молодежи не дать уйти из деревни в город. Пришлось мне ехать на Беларусь домой, хотя и не хотелось. Никого у меня там не оставалось. Однако приказ есть приказ. Вернулся. Шел 1955 год. Колхозы там только начали создавать со всеми известными последствиями. Бандеровские банды дома жгли, литовские националисты «шалили», польские аковцы тоже без дела не сидели... Чтобы вступить в колхоз, надо было что-то в пай сдать, а что сдавать мне, бывшему солдату? Сапоги и бушлат – вот и все мое хозяйство. Ничего мне не оставалось, как написать своему бывшему старшине в Томск с просьбой выручить, дескать, жить негде и работы нет. Помог он мне, сделал через военкомат вызов в Томск, якобы на сверхсрочную. Так я вторично оказался в Томске, теперь уже, как оказалось, навсегда.

В Томске в то время тоже было тяжело с работой. Здесь в Сибири я никогда не страдал от того, что по национальности поляк. На это никто, как мне кажется, не обращал внимания. А вот когда стал устраиваться на работу, тогда и почувствовал разницу между своими и чужими. Но не потому, что был поляк, а потому, что был под оккупацией. В то время на заводах были особые отделы, которые и фильтровали таких как я. Вначале удалось устроиться на кондитерскую фабрику грузчиком, потом через год поставили мастером по приемке и сдаче готовой продукции. На этой должности проработал 5 лет, был председателем первичной организации ДОСАФ. Как – то раз вызвали меня в эту организацию и попросили подготовить списки нескольких работников фабрики, чтобы направить их на учебу шоферов и радистов. Вот первым в список шоферов я себя и записал. Отучившись на водителя и получив водительское удостоверение, пошел работать шофером в автохозяйство.

Было мне где-то в 1957-59 годах приглашение в Польшу на выезд от старшего брата, однако я им воспользоваться не смог. А случилось это таким образом. Пришло мне от брата это письмо, а я в городе отсутствовал – был на хлебоуборочной. Получила письмо хозяйка, у которой я жил на квартире, получила и положила на шифоньер, а потом про него начисто забыла. Нашлось это письмо только через год, когда стала она на пасху

потолок белить. К тому времени срок разрешения на переезд в Польшу уже истек. Так я остался в СССР.

В 1960 году женился на коренной томичке, Алевтине Егоровой, через год родился первый сын Владимир, потом второй сын Юрий. Жили вначале в Томске на Розочке (ул. им. Розы Люксембург) в однокомнатной квартире в 12 квадратных метров вместе с семьей сестры моей жены. В 1966 году на заводе измерительной аппаратуры мне пообещали дать квартиру при условии, что я перейду к ним работать водителем на спецмашину военного назначения. Правда, при переходе на эту новую работу потерял очень много в заработной плате, но зато, в конце концов, получил эту квартиру...

В 1973 году мне с семьей удалось съездить на родину в Гродно, где жил мамин племянник. У мамы было четыре родных сестры, две из которых были замужем за полицейскими. В 1939 году после начала польско-немецкой войны одна из материнских сестер осталась одна без мужа с двумя сыновьями. Один сын её вскоре вступил в АК, потом был отправлен через Турцию и Африку воевать с немцами в польском легионе. Вместе с ним попала за границу и тетя с младшим сыном. Старший сын её погиб, а с младшим она впоследствии оказалась в Англии и там осталась. Писала письма своей сестре, которая осталась в Гродне. Третья сестра мамы после войны уехала в Гданьск. Об этом я узнал по переписке. Прямой переписки с родственниками из Польши и Англии у меня не было - Томск стал закрытым городом. Вся переписка шла через Гродно. Когда тетя, жившая в Гродно, умерла, её сыновья также уехали в Польшу, остался только один из сыновей. Вот к нему мы и ездили в отпуск, и через него я узнал о своих родных братьях в Польше и наладил с ними переписку.

Как я уже говорил, в 1973 году во время отпуска мы всей семьей поехали в Гродно, где я встретился через много лет разлуки со своими братьями и сестрой, приезжавшими специально из Польши на эту встречу. Сестра, которую вместе с нашим отцом угнали в Германию, оказывается, выжила, а вот отец наш вскоре после освобождения их американцами умер. В немецком концлагере сестра моя познакомилась с таким же поляком - лагерником и потом вышла за него замуж, а её подруга по лагерю вышла замуж за моего старшего брата.

В следующем году мы по путевке уже побывали в Польше, за месяц навестили всех родственников. Вот тогда я впервые и увидел Польшу, сам посмотрел и детям своим показал. Во второй, и, очевидно, уже в последний, побывал я в Польше в 1985 году, когда дети уже были взрослые.

В 1974 году выхлопотал я разрешение на приезд в Томск моего старшего брата. Приезжал один, без родственников. Он тогда работал в Польше в железнодорожной полиции. Приехал, посмотрел, как мы здесь живем. Был с ним разговор о возможном моем переезде в Польшу. Только куда я поеду: дети пошли в школу, надо было думать, как их учить и самим жить. Да и договора между Польшей и СССР тогда не было о возможности возвращения на родину полякам, оказания им в этом помощи. Так и остался среди русских и сам почти русским стал...

Сейчас живу один, жена уже четыре года как умерла. Навещают сыновья и внуки. Их у меня трое. Все, что связано у меня с Польшей - письма родных, фотографии, сувениры, приобретенные в Польше, я берегу как память о родне в Польше и хочу, чтобы после меня это берегли мои дети и внуки. Не думаю, что сыновья мои надумают переехать в Польшу жить, а вот внуки может быть и решаться. Они молодые, у них все еще впереди...

Записал В. Ханевич 10.04. 2001 г.